
А. П. НАЗАРЕТЯН

В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ*

Хотя я из армянской семьи, родился я в Баку – столице Азербайджана, на берегу Каспийского моря в 1948 г. Это было во времена Советского Союза и холодной войны. Мой отец был офицером зенитных войск, а мать – членом ЦК Компартии Азербайджана. Она была *զոկ* (зоком), представительницей евреев, которых привез из Палестины в Армению император Тигран Великий более 2000 лет назад. Зоки сохранили свои связи во всем регионе, приняли веру последователей Иисуса и даже пропагандировали ее, сделав армян первой христианской нацией. Поэтому хотя моя мама, как и большинство зоков, считала себя армянкой, на самом деле, как и у всех людей на Земле, у нее были запутанные генеалогические корни.

Акоп Назаретян и его мать Ребекка Христовна Андреасова.
Баку, Азербайджан, 1950 г.

Когда я был маленьким, то жил в таком месте, где по улице под балконом моего родительского дома в Баку проходило множество похоронных процессий. В начале 1950-х гг. все еще существовала традиция нести мертвых в открытых гробах во время медленных процессий, поэтому я часто видел мертвые лица. Я спрашивал взрослых, почему эти люди не открывают глаза. Они пытались объяснить мне, что значит быть мертвым, но я им не поверил, настойчиво утверждая: «Я никогда не умру. Я просто открою глаза... Все эти люди

* Этот очерк был написан на основе беседы Акопа Назаретяна и Барри Родрига в Москве в феврале 2012 г.

попросту ленивы!» Вследствие этой логики я не испытал шока, который испытывают многие дети, узнающие о смерти. Это может показаться странным, но я до сих пор не верю в смерть человека. Я верю в то, что физическая смерть – это не что иное, как прерывание коммуникации, обратной связи. Другими словами, наша личность продолжает жить в нашей культуре. Таким образом, только смерть человечества в целом может привести к смерти человека.

Моя вера подверглась испытаниям десять лет спустя во время Карибского кризиса (1962 г.). Я помню слова американского сенатора Барри Голдуотера: «Мы уничтожим человечество, но не отдадим его в руки коммунистов»¹. Четырнадцатилетнему подростку было трудно признать глобальную ядерную войну и крушение всех его амбиций и планов. Мои опасения сохранялись, несмотря на заверения Коммунистической партии Советского Союза в том, что СССР и мировые рабочие движения не позволят империалистам развязать такой конфликт. Этот мировой кризис явился для меня личным кризисом, шоком от осознания смертности, который лишил мою жизнь смысла. Позже я прочитал у философа Людвиг Фейербаха: «...бренность – это всего лишь эвфемизм для небытия»². Эти слова отражали мои чувства в то время.

Для меня это стало веским аргументом, чтобы поразмыслить о своей жизни и деятельности, осознанно (и неосознанно) связанной с выживанием более крупной глобальной цивилизации. Было ли все обречено на исчезновение в этом году или через пару десятилетий? Многие приходят к выводу, что у нас была возможность избежать ядерного уничтожения после успешного разрешения различных международных конфронтаций – мы психологически приспособились к мысли о выживании! Но затем возникла новая проблема – экологический коллапс – вместе со страхом, что все обитатели нашего «космического корабля» (Земли) умрут от голода, жажды и удушья.

Меня главным образом интересовал вопрос о том, может ли конец человечества быть запрограммирован естественными законами и механизмами. Я изучал естественные и гуманитарные науки, искал психологические механизмы в человеческих кризисах. Суть моего вопроса заключалась в следующем: почему челове-

¹ Это мое воспоминание о словах Голдуотера, перефразированное с английского на русский язык.

² Feuerbach, L. 1854. *The Essence of Christianity*. London: John Chapman, p. 6.

ский вид не уничтожил себя, несмотря на все возрастающие возможности для этого? Я подспудно ощущал, что, ответив на этот вопрос касательно прошлого, мы получим возможность прогнозировать и контролировать будущее.

Я начал обучение в Институте иностранных языков в Москве. Специализируясь на языках, помимо них я изучал также психологию, философию, историю и естественные науки. Я прочел труды Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда и Конрада Лоренца. Вкупе с собственными наблюдениями и самоанализом это исследование убедило меня в том, что агрессия – двигатель живой материи и с ней связаны основные потребности. Я стал рассматривать агрессию как основной фактор человеческого восприятия.

Акоп Назаретян в Коста-Рике, 1989 г.

активистами и партизанами в Южной Америке, на Ближнем Востоке и в Африке. Это меня вполне устраивало, так как мне надоела однообразная работа. Люди, с которыми я общался, были не только участниками холодной войны, но и друзьями, а иногда и близкими подругами, хотя это считалось ужасным проступком для молодого советского эмиссара. Я даже пересекался с моим другом Барри Родригом, еще одним исследователем Большой истории, когда мы

В 1971 г. меня пригласили для написания дипломной работы в Институт социальных наук, где только что была открыта первая в СССР кафедра социальной психологии. До этого момента социальная психология в Советском Союзе официально считалась буржуазной псевдонаукой, и ее изучение не поощрялось. Поэтому данный институт начал свою работу в качестве экспериментального и секретного проекта, связанного с Международным отделом Коммунистической партии.

После окончания университета я работал по всему миру в поддержку международных левых сил – с политиками,

работали с сандинистами в Центральной Америке. Эта работа дала мне возможность увидеть агрессию и ее рационалистическое объяснение в действии, а также стать свидетелем мирного компромисса, когда люди сублимировали агрессию посредством творческой деятельности.

Я начал исследовать антропогенные катастрофы более подробно и обнаружил, что в истории человечества существовало несколько переломных моментов, когда ему пришлось столкнуться с вымиранием³. Это заставило меня задуматься, насколько мы устойчивы как социальный вид: как мы можем противостоять самоуничтожению? Я пришел к пониманию того, каким образом мораль и другие регуляторы культуры служат антиэнтропийными механизмами. Я изучал синергетику, теорию хаоса и неравновесную термодинамику. Это снова и снова возвращало меня к вопросам прошлого и будущего: являются ли человеческий разум и его культура одними из основных компонентов космической эволюции? Играет ли человечество какую-нибудь роль в развитии Вселенной или духовная реальность есть не что иное, как побочный эффект (эпифеномен) на определенной стадии эволюции материи? Я не был приверженцем движения советской интеллигенции или же глобального мышления 1970-х и 1980-х гг. Те немногие люди, которые осмеливались представить, что человеческий интеллект играет роль в эволюции Вселенной, были в основном советскими или эмигрировавшими советскими учеными-космологами. Они сохранили интеллектуальное наследие немецких и русских последователей космизма, концепции, разработанной такими философами, как Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) и Константин Циолковский (1857–1935). Основная идея космизма заключалась в том, что переселение человека с Земли на другие планеты – не просто фантазия философа или поэта, но технически осуществимая задача. Космисты также рассматривали социальный прогресс как не имеющий физических границ. Таким образом, космическая философия оказалась спасательным кругом для коммунистической идеологии.

Смысл риторики марксизма был головной болью для последующей идеологии. К. Маркс считал, что человечество достигло своих технологических вершин, поэтому он призывал людей строить идеальное общество, которое, по сути, оказалось застойным. Советские ученые поняли, что цель строительства рая на Земле сама

³ Подробности этих исследований есть в моих книгах и статьях.

по себе не вызовет большого восторга, поэтому они приняли идеалы космологии, чтобы вдохнуть жизнь в пролетарскую идеологию. Их основная идея состояла в том, что после установления коммунизма люди смогут селиться на других планетах, колонизируют их, и тогда начнется настоящая история человечества. Это также выражало глобальный научный оптимизм XX в⁴. В результате объединения коммунистической идеологии, космических представлений и научного оптимизма историю можно рассматривать как бесконечную космическую экспансию. Другими словами, в основе советского опыта лежал тонкий философский синтез.

В начале 1990-х гг. я был приятно удивлен, обнаружив в «цивилизированных» странах ученых, увлеченных аналогичным направлением, встретив Дэвида Кристиана в Австралии, Антонио Велеса в Колумбии и Фреда Спира в Нидерландах. Для моих российских коллег-конформистов тот факт, что подобные исследования существовали в западных странах, был более весомым аргументом, чем моя эрудиция и аргументация. Фактически идеи Универсальной истории циркулировали как на Западе, так и в СССР с 1980-х гг., когда ученые от космологии до гуманитарных наук расширили границы своих дисциплин, чтобы исследовать проблемы эволюции и существования. Это осознание было осложнено использованием ими для этих исследований различных терминов, таких как «космическая эволюция», «Мегаистория» и «Большая история», а также наш собственный русский термин «Универсальная история».

Теперь, когда «пришло наше время», эти усилия впечатляют. Они возвращают меня к моим юношеским поискам смысла жизни. Я вернулся к уверенности в том, что человек не может умереть. Физическая смерть – это иллюзия. Хотя мы можем умереть физически, наша энергия и материя сохраняются во Вселенной. Мы

⁴ Мы можем видеть реальные примеры такого космического мировоззрения в целом ряде фантастических произведений, рассказывающих яркие истории о совершенных мужчинах и женщинах – коммунистах, которые завоевывают новые планеты и галактики, встречают там новых товарищей или создают хорошие общества на плохих планетах. В качестве примера можно привести фильм «Аэлита» 1924 г., снятый режиссером Яковом Протазановым и основанный на одноименном научно-фантастическом романе Алексея Толстого, который был опубликован годом ранее. Гораздо более подходящий пример – научно-фантастический роман «Туманность Андромеды», написанный палеонтологом Иваном Ефремовым, который был выпущен в 1957 г., а спустя десятилетие по книге был снят фильм. Это был один из лучших советских романов в данном жанре.

остаемся в человеческой культуре, в памяти, достигая «семантического бессмертия», и каждый из нас приобретает собственную степень бессмертия. Физическая смерть – это лишь прерывание обратной связи.

Я не могу напрямую обратиться к Сократу, Пушкину, Шекспиру или Ованесу Туманяну, или, точнее, трудно подвергнуть сомнению их сохранившиеся мысли, но дело обстоит таким образом, что их деятельность все еще продолжает влиять на меня и других людей. Большинство из нас используют индуктивную логику, но не знают, что ее разработал Фрэнсис Бэкон. Точно так же мы не знаем, как возникла идея сферической Земли, но эта концепция является наследием, переданным нам Пифагором. Я не могу знать имена даже моих собственных далеких предков, но я все еще нахожусь под их влиянием, под влиянием их идей, личностей, клеток, ДНК – миллиардов этих битов и байтов информации. Таким образом, мы бессмертны и неразделимы со Вселенной⁵.

Перевод с английского Н. С. Дорофеевой

⁵ Редакция выражает благодарность Барри Родригу за предоставленные материалы.